

Геннадий СУББОТИН

АРСЕНИЙ ГОРДЕЕВ — ЗВУЧИТ ГОР-

ДО

Кого же любить? Кому же верить?

А.С. Пушкин

Мне никогда не приходилось писать ни статей, ни очерков, ни в газеты, ни в журналы, но наступил такой момент, когда хочется поделиться своими чувствами, которые, как известно, невозможно передать словами, тем более письменными, но я все-таки попробую.

Хочется сказать много хороших слов о хорошем человеке, меня переполняет чувство уважения к нему, и мне будет приятно, если в Вашей душе возникнет подобное отношение к герою моего рассказа. Наконец, мы просто обязаны говорить о ветеранах в год шестидесятилетия нашей славной Победы.

Слово «ветеран» я употребляю в его истинном значении (лат. *veteranus* от *vetus* – старый опытный воин, участник минувших боев), а не так, как это делают наши чиновники, разделившие пожилых людей России по «сортам» – федеральные, региональные и прочие.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Гордеев Арсений Дмитриевич родился 28 марта 1926 года в селе Юсьва Коми-Пермяцкого округа. В ноябре 1943 года призван в Красную Армию и окзался в Ирбите на военной учебе.

«В начале июля 1944 года наш эшелон отправили на фронт, – вспоминает Арсений Дмитриевич. – Запомнилось то, что произошло это на следующий день после того, как по радио объявили о высадке союзников в Нормандии. Мы прибыли в 208-й запасной стрелковый полк 3-го Белорусского фронта, дислоцированный в Вильнюсе, где продолжалось учение нас – минометчиков. После неоднократных просьб, наконец, в марте 1945-го меня включили в маршевую команду для отправки в действующую часть. Вот тут я и оказался во 2-й гвардейской Таманской стрелковой дивизии, в составе которой участвовал как наводчик в минометном расчете в Земландской военной операции

по ликвидации вражеской группировки войск в Восточной Пруссии».

После окончания войны Таманская дивизия из-под Кёнигсберга была переброшена в Москву и Арсений Дмитриевич продолжал службу в столичном гарнизоне. Ему довелось одиннадцать (!) раз пройти по Красной площади строевым шагом в составе парадного расчета дивизии. Демобилизован из рядов Советской Армии в ноябре 1950 года. В 1954 году поступил на физико-математический факультет Молотовского (с 1957 г. – Пермского) университета, окончил его в 1959 году, получив специальность «Физик. Учитель физики средней школы». С 1 сентября 1959 года работал в лаборатории радиоспектроскопии и, проработав в ней более 40 лет, в 2001 году вышел на пенсию в возрасте 75 лет. Женат, имеет двух сыновей.

Из справки видно, что Арсений Дмитриевич оказался в рядах защитников Родины, когда было 17 лет. Сейчас юношей такого возраста называют детьми. Наверное, тогда они тоже были детьми, но никто их так не называл – они были нужны на переднем крае, они должны были принести долгожданную Победу нашему пострадавшему народу.

Одному Богу известно, сколько горьких слез пролила его мама, провожая не просто в армию, а на войну своего единственного сына. Понятия «откосить» от гражданского долга в те годы не существовало. Оно появилось в наши дни и получило распространение среди родителей и «детей», которые боятся не столько врагов внешних, сколько своих – «товарищей» по казарме.

Я никогда не слышал от Арсения Дмитриевича рассказов о героических событиях его фронтовой службы. Во-первых, война – это прежде всего труд (от слова трудно!) – труд тяжелый, труд изнурительный, труд кровавый... Войн без героев не бывает. Но в войне побеждают не отдельные герои, а многочисленные герои-трудяги, оказавшиеся в военных условиях, преданные своему долгу, который они выполняют так же хорошо, как и всякое другое дело. Арсений Дмитриевич – один из них, добросовестный труженик войны и гарант победы.

Во-вторых, Арсений Дмитриевич не любит говорить о себе в таком ключе, а если и расскажет что-нибудь, то это скорее будет забавный или поучительный случай. Вот один из военных эпизодов, рассказанный им, – и курьезный и серьезный одновременно:

«Дело было в Кюменинге, километрах в двадцати от Кёнигсберга. Уже который день льет дождь. Минометная рота ведет огонь из-за одноэтажного дома, через него. Дом вроде нашего барака, только с несколькими входными дверями вдоль его длинной стороны. Огневая позиция одного из минометов находится прямо против двери. Старший (командир) на огневой позиции находится у входа в здание, тут же – отделение управления с буссолью, телефонист – в доме у окна. И вдруг у этого минометного расчета, который имел такую удачную огневую позицию, получился не выстрел, а не очень громкий хлопок. Мина попала в воздух на несколько метров и стала падать. Все, кто был перед входом в дом, одновременно бросились внутрь, чтобы укрыться от неминуемого разрыва мины, и... застряли в дверях. Все в шоке! Мина упала и, конечно, к их ногам. Но, к счастью, боком – и не взор-

валась. Когда шок прошел, застрявшие поняли весь комизм их положения и долго смеялись. А произошло это потому, что у неопытного расчета, скорее всего, намочили под дождем дополнительные заряды, а может быть, и не только дополнительные».

Смеялись, разумеется, от счастья, что остались целы. Но представьте себе иной исход этого происшествия – «non happy end»... Не одна несчастная мать получила бы «похоронку», в которой военным канцеляристом было бы написано: «Боец пал смертью храбрых в бою с немецко-фашистскими оккупантами за свободу и независимость нашей Родины» – и ни слова о том, что он погиб на нашей территории, от нашей мины, пущенной руками наших «неопытных» сослуживцев-минометчиков.

Курьезность эпизода очевидна, но есть и поучительная сторона. Правы были древние пушкари, призывавшие держать порох сухим и ни слова не говорить о сложных метеоусловиях. Обеспечить его сухость могут только ответственные люди. Недобросовестных бойцов минометного расчета в приведенном эпизоде деликатный Арсений Дмитриевич назвал «неопытными».

У меня, как у мальчишки тех военных лет, самое устойчивое воспоминание – это никогда не проходящее чувство голода, это чувство холодных рук и ног как дома, так и в школе. Поэтому лучшим временем в школе была перемена, на которой была возможность занять место у теплой печки, и еще неизвестно, что согревало больше, – то ли ее тепло, то ли веселая возня тридцати твоих таких же «свежемороженых» одноклассников.

Не могу я забыть и 9 мая – День Победы! Тогда я узнал, что такое всенародное ликование. С той поры для меня содержание этого понятия не изменилось, потому что никаким другим событием его заменить не могу – другого явления такой значимости я просто больше не видел и не пережил.

Наши пути с А.Д. Гордеевым пересеклись в 1956 году, когда я оказался студентом-физиком того же курса, на котором он учился. Большая часть студентов курса, как и я, была со школьной скамьи, и мы с почтительным уважением смотрели на немногочисленную группу «стариков», в которой был и Арсений Гордеев. Это было совершенно естественно: они были старше нас, солиднее, мудрее. Между нами, наверное, и не могло быть тесных взаимоотношений: мы просто робели перед студентами-фронтовиками.

Будучи на военных сборах в летнем лагере под Чебаркулем, я и мои «товарищи по оружию» имели возможность увидеть все по ложительные стороны гардии сержанта Советской Армии А. Гордеева. Это видели не только мы, его однокашники, но и сержанты, и офицеры, которые были нашими наставниками в пору нашего скоротечного военного ученичества. Арсений Дмитриевич был аккуратен до щеголеватости, выправка – безупречна, военная форма (х/б) на нем сидела как на фотомодели, а главное, – она была ему к лицу. Вот уж поистине – не одежда красит человека! Когда он оборудовал палатку, в которой размещалось его отделение, мы ходили туда как в музей быта, как в апартаменты после «евроремонта», чтобы увидеть, что можно умелыми руками сделать в плохих условиях из подручного материала. Увиденное вызвало восторг не только у нас, но и у кадровых военнослужащих.

Более тесное сотрудничество с Арсением Дмитриевичем

чем началось с сентября 1959 года, когда мы оба оказались научными сотрудниками только что организованной научно-исследовательской лаборатории квантовой радиофизики. Тут-то начался второй виток «моих университетов»! Благодаря именно Арсению Дмитриевичу я понял, что люди, у которых есть чему учиться, есть чему поdraжать, находятся рядом. Не надо думать, что кумирами могут быть только М.В.Ломоносов, Д.И.Менделеев, П.Л.Капица. Я горжусь тем, что моими учителями были Г.А.Остроумов, И.Г.Шапошников, Г.З.Гершуни, И.А.Малеев... У них я многому научился, но не меньшему – у Арсения Дмитриевича. На одном из «симпозиумов» лаборатории радиоспектроскопии (термин, введенный в обиход Иваном Григорьевичем Шапошниковым, любимый им, как и само мероприятие), посвященном какой-то юбилейной дате, я высказал эту мысль – в присутствии Ивана Григорьевича, разумеется. Речь была встречена рукоплесканиями, потому что на учился многому у Арсения Дмитриевича не только я – каждый сотрудник лаборатории мог сказать подобные слова. А скольких студентов физического факультета (курсовиков, дипломников, практикантов) за сорок рабочих лет научил он чему-то хорошему!

Однако подражать его мастерству и таланту невозможно. Арсений Дмитриевич прекрасно рисует, профессионально чертит, метко стреляет в тире, азартно играет в шахматы, отлично чувствует вокальное мастерство (сам имеет приятный баритон, но пением не злоупотребляет, а поет за работой и только для себя), имеет чувство юмора. Я мог научиться только тому, чему возможно: отношению к своей работе и ее результату. Всё, что делает Арсений Дмитриевич, он делает хорошо, потому что не умеет делать плохо.

В 1974 году Арсений Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию, посвященную новому в то время направлению в радиоспектроскопии – импульсным методам исследования в ядерном квадрупольном резонансе. Благодаря конструкторскому таланту радиоинженера его аппаратура была одной из лучших установок такого класса в Советском Союзе. Вместе с соавторами он опубликовал около ста научных статей, в основном, в центральных академических журналах. Точное число он не знает. «Не считал, – говорит, – а делал». В наше время многие претенденты на докторскую степень не могут похвастаться такой продуктивностью. Что касается соавторства, то без участия Арсения Дмитриевича такие статьи просто не могли появиться.

Я никогда не видел А.Д. Гордеева небрежно о детях: ни на работе, ни дома; никогда не видел его со вчерашней щетиной на подбородке. Таков стиль этого человека, в котором все прекрасно: и одежда, и душа, и результаты труда. Самое аккуратное, эргономически продуманное рабочее место в лаборатории было у него, нигде ничто не валялось. Если я спрашивал у Арсения Дмитриевича какую-то редкую радиодеталь или экзотический инструмент, или любую другую мелочь, он находил это в считанные секунды.

Арсений Дмитриевич – пионер во многих делах. Во-первых, радиолобитель. Из всех выпускников физико-математического факультета «образца» 1959 года он один знал «как самому сделать мегом». Во-вторых, фотолобитель, снимавший не только фото, но и кино. Сам проявлял как фото-, так и обрабатываемые киноплёнки, печатал фотоснимки. Киноистория лаборатории радиоспектроскопии в со-

бытиях и лицах сохранена именно им. В-третьих, велосипедист А.Д. Гордеев оборудовал свой велосипед переключателем скорости, изгототовленным своими руками. За тем он поставил на велосипед мотор и ездил на этом «экипаже» из Перми к родителям в Кудымкар. Потребность езды на велосипеде у него не прошла до сих пор: он частенько «наматывает» километры по маршруту Пермь–Кунгур.

А какие плакаты оформил Арсений Дмитриевич к защите моей диссертации! В монографии Г.З.Гершуни, Е.М.Жуховицкого (М.: Наука, 1972) все графические иллюстрации (около 150 штук) выполнены им с таким качеством, что редакционному художнику ничего не пришлось изменять. Это уже экста-класс!

Экспериментальная установка к его дипломной работе (счетчик гамма-излучения по схеме совпадений), изгототовленная в 1959 году, не менее десятка лет использовалась в студенческом практикуме по ядерной физике, выдержав далеко не деликатное студенческое обращение. Это как скрипка Страдивари – время идет, а она все играет! В настоящее время установка изъята из практикума, но не потому, что в ней что-то испортилось или она отказала. Нет, она морально устарела и заменена чем-то новым, но не лучшим.

Когда моя жена берет в руки миксер, произведенный в очень давние годы в «недрах» ГДР и по двергшийся текущему ремонту руками А.Д. Гордеева, она всегда говорит: «Передай привет Арсению Дмитриевичу и скажи ему еще раз спасибо за то, что я до сих пор по льюсь этим инструментом». Мне же при этом говорится примерно следующее: «Вот как работает настоящий Мастер, а не то, что некоторые...» (далее следует ряд слов, целиком относящихся к автору этого очерка, которые он сознательно опускает, так как опасается, что они могут составить неверное представление о характере его жены).

Сказать, что у Арсения Дмитриевича золотые руки – это сказать слишком мало. У него душа такой же пробы. Что только не приносили ему ремонтировать знакомые и знакомые знакомых. Кто-то принес магнитофон, на который хозяин сел, но не столь мягко, как Иван Васильевич после перемены профессии. Аппарат заиграл после поистине хирургического вмешательства Арсения Дмитриевича. Некий счастливый молодежен принес фотоаппарат, который он не удержал в счастливых руках и грохнул на мраморные ступени Дворца бракосочетаний под марш Мендельсона. Руками Арсения Дмитриевича счастье было возвращено в молодую семью...

Закончилось наше сотрудничество в стенах лаборатории радиоспектроскопии в 1971 году, когда я был вынужден перейти на другое место работы. Но общение с Арсением Дмитриевичем не закончилось, продолжается оно по сей день, хотя не столь часто как прежде – он находится на заслуженном отдыхе и, смею вас уверить, на заслуженном честно.

Теперь этот человек сед и мур, он – «аксакал» среди моих однокашников, и к нему вполне подойдут такие строки М.Ю.Лермонтова:

Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

Надеюсь, прочитав написанное, любой читатель почувствует симпатию к этому человеку, если даже не знаком с ним лично. Вот и мне Арсений Дмитриевич лубоко симпатичен, в чем я признаюсь ему и Вам – читателю.